

ЛИЧНОСТНАЯ ТРЕВОЖНОСТЬ И ВЫБОР СТРАТЕГИЙ СОВЛАДАНИЯ

Е.Н. ЛЬВОВА, О.В. МИТИНА, Е.И. ШЛЯГИНА

Рассматриваются возможные каузальные связи между личностными характеристиками и выбираемыми субъектом стратегиями совладания. Центральной характеристикой выступает личностная тревожность, рассматриваемая последовательно как предиктор и как медиатор, который запускает или опосредствует механизм выбора стратегий совладания, соответственно. Описываются результаты медиаторного анализа, указывающие на наличие значимых детерминационных связей и существование сложных систем предикторов и медиаторов при выборе стратегий совладания. Предлагаются структурные модели, в которых обращается внимание на то, что личностная тревожность принимает участие в детерминации разных по своему характеру стратегий совладания. Обсуждается влияние места личностной тревожности в иерархической последовательности предикторов и медиаторов на выбор субъектом различных стратегий совладания.

Ключевые слова: совладающее поведение, стратегии совладания, копинг, личностная тревожность, уровень субъективного контроля, смысложизненные ориентации, толерантность к неопределенности, ресурсы совладающего поведения, структурное моделирование, медиаторный анализ, структурные модели.

В войне между угрозами и ценностями при деструктивной тревожности побеждает угроза, при конструктивной — ценности.

Р. Мэй

Психология совладающего поведения в последнее десятилетие стала востребованной темой среди широкого круга отечественных исследователей (Крюкова, 2004; Белинская, 2009; Стресс, выгорание, совладание..., 2011). Значительное внимание уделяется ресурсам совладания, особенно в семейном контексте, в профессиональной деятельности и в образовании, а также изучаются возрастные особенности совладающего поведения. Большой интерес вызывает диагностика и изучение дифференциально-психологических аспектов совладающего поведения. Однако наблюдается значительный перевес работ прикладного характера по сравнению с оригинальными теоретико-методологическими работами (Психология совладающего поведения, 2007; Психология стресса и совладающего поведения в современном российском обществе, 2010; Психология стресса и совладающего поведения, 2013).

Одной из отличительных особенностей многих работ является поиск коррелятов среди личностных характеристик для выбора стратегий совладания; при этом поиск коррелятов часто выполняется в рамках изучения психологических ресурсов личности, которое уже оформилось в самостоятельное направление исследований (Постылякова, 2004; Русина, 2008; Психология стресса и совладающего поведения в современном российском обществе, 2010, т.2, с. 40–42; Петрова, Хазова, 2012, Watson, Hubbard, 1996, Lee-Bagley, Preece, DeLongis, 2005, Gonzalez, Castillo, 2010, Krohne, Hock, 2011 и др.). К настоящему времени в качестве копинг-ресурсов рассматриваются локус контроля, коммуникативная компетентность, эмоциональный интеллект, социальный интеллект, тревожность, когнитивные способности и т.д. (Психология стресса и совладающего поведения в современном российском об-

шестве, 2010, т.1, с. 182–183, т.2. с. 24–26; Психология стресса и совладающего поведения, 2013, т.1, с. 276–281, т.2, с. 241–243).

Хотя тревожность нечасто фигурирует в качестве предмета исследования в работах, посвященных исследованию ресурсов совладающего поведения, не будет преувеличением утверждать, что тревожность является одним из наиболее изучаемых феноменов в психологии (Астапов В.М., Березин Ф.Б., Китаев-Смык Л.А., Прихожан А.М., Ханин Ю.Л., Мэй Р., Спилбергер Ч., Хорни К. и другие) и интерес к ней в контексте исследования совладающего поведения неслучаен. В зависимости от уровня выраженности тревожность может выполнять разные по своему характеру и модальности функции (сигнальная, активирующая, деструктивная и т.п.), которые могут вносить изменения в поведение человека и, в частности, в совладающее поведение.

В настоящем исследовании мы обратились к проблеме изучения механизмов связи между такими личностными характеристиками, как тревожность, интернальность/экстернальность, толерантность/интолерантность к неопределенности, осмысленность жизни. Вслед за Д.А. Леонтьевым мы относим эти характеристики к ресурсам устойчивости субъекта к трудной жизненной ситуации (Психология стресса и совладающего поведения, 2013, т. 1, с. 258–261). При высоком уровне личностной тревожности, интолерантности к неопределенности, низких значениях показателей осмысленности жизни и самоконтроля субъект практически не располагает возможностями для эффективного совладания.

Рассматривая личностную тревожность как один из важнейших компонентов устойчивости субъекта, мы выдвинули *гипотезу* о том, что личностная тревожность может выступать в роли предиктора стратегий совладания.

Одним из исследовательских вопросов, поставленных в рамках проекта «Развитие

учебно-методической и кадровой базы по формированию российской гражданской идентичности в условиях поликультурного образования»¹, стал вопрос о характере совладающего поведения у педагогов. С одной стороны, совладающее поведение, стрессоустойчивость, способность находить личностные ресурсы в критической ситуации выступают в качестве критериев психологического здоровья (Психология стресса и совладающего поведения, 2013, т. 1, с. 152–154). С другой – личность педагога, безусловно, является важным фактором, оказывающим существенное влияние на формирование личности ученика. Учителя и родители дают образцы возможностей личностного функционирования в различных ситуациях, которые в последствии интериоризируются детьми, подростками. Именно поэтому в последние годы в отечественной психологии появились исследования, обращающиеся к изучению защитно-совладающего поведения у педагогов (Антоновский, Леньков, Зиньковский, 2011; Корицова, 2007; Психология стресса и совладающего поведения, 2013, т. 2, с.77–79), а также к изучению особенностей профессиональной тревожности у педагогов в условиях непрерывной модернизации российского образования (Гульчевская, 2004). Поэтому в рамках проекта был поставлен вопрос о соотношении личностной тревожности и других личностных характеристик педагогов с их совладающим поведением.

В исследовании нами были поставлены следующие *задачи*: а) определить наличие и характер связей между личностной тревожностью и стратегиями совладания при учете других личностных характеристик; б) описать особенности стратегий совладания в соответствии с детерминирующими их личностными характеристиками.

¹ Номер госконтракта № 06. P20. 120054 2011 от 27 октября 2011 г.

ми; в) построить структурные модели детерминации выбора стратегий совладания.

ИСПЫТУЕМЫЕ И МЕТОДИКИ

В исследовании, проведенном в рамках научного проекта, приняли участие 314 педагогов СОШ из пяти регионов РФ (средний возраст 41,4 года).

Методики исследования были выбраны в соответствии с поставленными целями. В диагностический комплекс вошли следующие методики.

1. Опросник Ч. Спилбергера. Данная методика представляет собой надежный и информативный способ диагностики уровня тревожности в данный момент (реактивная тревожность) и личностной тревожности как устойчивой характеристики личности (см.: Костина, 2002). В нашем исследовании была использована часть опросника, диагностирующая уровень личностной тревожности, так как фокус внимания был направлен именно на устойчивые характеристики личности. Проверка надежности/согласованности эмпирических данных показала достаточную внутреннюю согласованность.

2. Методика Уровень субъективного контроля (УСК) (Бажин, Голынкина, Эткинд, 1993). Методика предназначена для диагностики уровня субъективного контроля. В основе методики лежит концепция локуса контроля Дж. Роттера, рассматривающего данный конструкт как универсальный по отношению к любым типам ситуаций. Выполненная проверка одномоментной надежности выявила внутреннюю несогласованность для ряда шкал, поэтому при последующем анализе данных результаты, полученные по этим шкалам, не учитывались (*интернальность в области производственных отношений, интернальность в отношении здоровья и болезни, интернальность в области межличностных отношений*).

3. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева (2006). Тест

смысложизненных ориентаций представляет собой адаптированную версию теста «Цель в жизни», который был разработан Дж. Крамбо и Л. Махоликом на основе теории стремления к смыслу и логотерапии В. Франкла. Проверка одномоментной надежности методики показала достаточную внутреннюю надежность-согласованность всех шкал методики.

4. Опросник толерантности к неопределенности С. Баднера. Методика была разработана для диагностики толерантности к неопределенности, рассматриваемой в качестве личностной черты, наличие которой позволяет человеку ощущать относительный комфорт в непривычной ситуации и воспринимать необычную обстановку как дающую новые возможности (см.: Солдатова, 2003). Проверка надежности/согласованности эмпирических данных не выявила достаточной внутренней согласованности для трехфакторной структуры методики. В связи с этим в соответствии с полученными эмпирическими данными были выделены два фактора: «Толерантность к неопределенности» и «Интолерантность к неопределенности»; хотя эти факторы и отрицательно коррелируют друг с другом, они не являются абсолютно антонимичными. Надежность/согласованность этих факторов оказалась удовлетворительной и достаточной для последующего анализа данных.

5. Методика диагностики стресс-совладающего поведения (копинг-поведение в стрессовых ситуациях) Д. Амирхана (см.: Прихожан, Толстых, 2005). Методика Д. Амирхана является опросником, определяющим базисные копинг-стратегии (разрешение проблем, поиск социальной поддержки и избегание) и их выраженность — структуру совладающего со стрессом поведения. Согласно результатам проверки одномоментной надежности нами были выделены четыре фактора с удовлетворительными показателями внутренней надежности/согласованности, которые учитывались при последующем анализе

данных: «Поиск социальной поддержки», «Планомерное решение проблем», оригинальная шкала *избегание* расщепилась на два фактора – «Избегание» и «Отвлечение».

6. Методика диагностики predisposedness личности к конфликтному поведению К. Томаса (в адаптации Н.В. Гришиной) (см.: Карелин, 2001). Данный опросник направлен на выявление типичных форм поведения и способов регулирования конфликтов. Проверка одномоментной надежности тестовых шкал не выявила достаточной внутренней надежности/согласованности. Нами был выполнен эксплораторный факторный анализ, однако только для двух из пяти вновь выделенных факторов были получены удовлетворительные показатели надежности/согласованности. При дальнейшем анализе данных использовались именно эти факторы: «Настойчивое решение проблем» и «Компромисс», имеющие показатели надежности/согласованности альфа Кронбаха 0,742 и 0,641 соответственно.

К полученным нами эмпирическим данным была применена процедура медиаторного анализа, для выполнения которой использовалась программа EQS 6.2. for Windows.

Данный метод был использован с целью определения возможных предикторов и медиаторов в выборе и использовании стратегий совладания. Мы остановились на данной процедуре математической обработки данных в силу выдвинутой нами гипотезы, согласно которой выбор стратегий совладания не только *связан* с определенными личностными характеристиками, но и *зависит* от них. Механизм такой детерминационной связи может быть опосредствован другими личностными характеристиками, выступающими в роли промежуточных переменных, или медиаторов.

Использование медиаторного анализа позволяет объяснять характер и механизм связи и отвечает на вопросы о том, «как» и «почему» одна переменная или группа

переменных, называемых независимыми, влияет на другую одиночную переменную или группу переменных, называемых зависимыми (Митина, 2010; Baron, Kenny, 1986). Среди преимуществ данного метода можно указать на то, что выделение медиаторов в качестве связующих элементов позволяет обнаружить латентные связи между независимой и зависимой переменными, опосредствованные медиаторными переменными.

Наиболее эффективно медиаторный анализ можно проводить с использованием структурного моделирования, которое позволяет не только проверять выдвигаемые исследователем гипотезы, но и формулировать новые, осуществляя, таким образом, креативный поиск. Данный метод предоставляет возможность анализа детерминационных связей и не ограничивает количество переменных, используемых при анализе эмпирических данных (Митина, 2010). Проведение медиаторного анализа с помощью структурного моделирования позволяет учитывать в модели одновременно большое количество переменных, находящихся в распоряжении исследователя. Для анализа становятся доступными модели, предполагающие одновременно наличие нескольких независимых переменных и/или нескольких медиаторов и/или нескольких зависимых переменных.

Для того чтобы рассмотреть личностную тревожность в качестве предиктора и медиатора в выборе и использовании стратегий совладания, в процессе выполнения медиаторного анализа мы последовательно рассмотрели все выделенные нами личностные характеристики (тревожность, интернальность/экстернальность, осмысленность жизни, толерантность/интолерантность к неопределенности) в качестве предикторов (независимых переменных) и медиаторов. Результатом стало построение ряда структурных моделей, критерием для принятия или отвержения которых

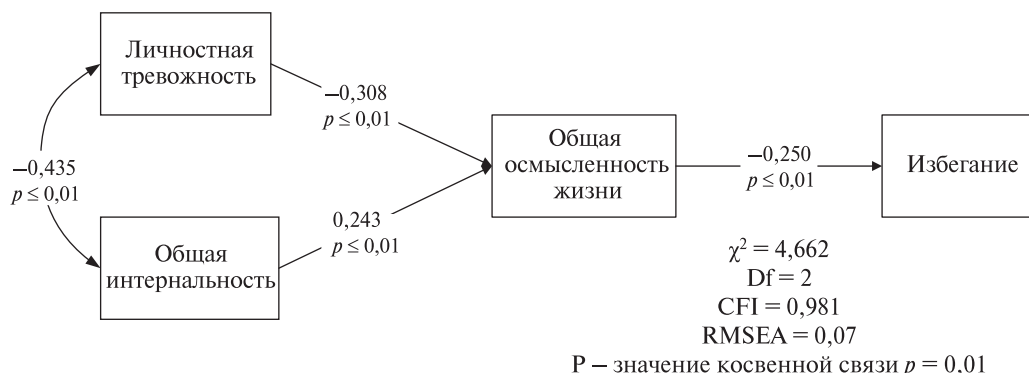

Рис. 1. Медиаторная модель детерминации выбора стратегии «избегание» личностной тревожностью и общей интернальностью (вариант 1).

явились как показатели согласованности модели с экспериментальными данными, принятые в структурном моделировании (Митина, 2006; 2007), так и возможность теоретического обоснования полученной структурной модели.

Нами были построены и отобраны для последующего анализа структурные модели, в которых личностная тревожность выступила как а) предиктор, влияние которого на выбор стратегии совладания опосредствовано переменной-медиатором, одной или несколькими; б) медиатор, опосредствующий выбор стратегии совладания.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Тревожность как предиктор, влияние которого на выбор стратегии совладания опосредствовано переменной-медиатором (одной или несколькими).

Тревожность, выступая в качестве предиктора, участвует в выборе стратегий совладания «избегание», «планомерное решение проблем» и «настойчивое решение проблем»².

² Стратегии «планомерное решение проблем» и «настойчивое решение проблем» в контексте настоящей работы семантически и феноменологически различаются. «Планомерное решение проблем» подразумевает спланированный, пошаговый, последовательный процесс решения проблем. В то же время «настойчивое решение проблем» — это страте-

1. Обратимся к первым двум моделям (рис. 1, 2)³. Рисунки кроме связи (двусторонняя стрелка на рис. 1) между переменными содержат также показатели согласованности и значимости опосредствованных детерминаций. В этих моделях представлены варианты детерминации выбора стратегии совладания «избегание» (стратегия совладающего поведения, предполагающая отказ от разрешения сложной

гия, которая ориентирована на достижение результата любым путем и допускает совершение резких сиюминутных шагов и оправдание используемых средств поставленными целями.

³ Здесь и далее односторонними стрелками обозначены детерминационные связи с указанием величин коэффициентов детерминации, двусторонняя стрелка обозначает корреляцию с указанием величины коэффициента корреляции. Все связи, представленные на рисунках, являются статистически значимыми. Значения коэффициентов детерминации и корреляции указаны под значениями этих коэффициентов. Поскольку медиаторная модель является значимой тогда и только тогда, когда значима косвенная связь, то p -значение для косвенной связи так же приводится под показателями согласованности модели с эмпирическими данными. В качестве показателей согласованности используются отношение χ^2 к числу степеней свободы Df, CFI — сравнительный критерий согласованности, который располагается в пределах от 0 до 1, RMSEA — квадратичная усредненная ошибка аппроксимации, также располагается от 0 до 1. Если отношение χ^2 к числу степеней свободы Df не превышает 2, значение CFI больше 0,95 и значение RMSEA не более 0,05, модель может считаться согласованной с эмпирическими данными (Митина, 2006).

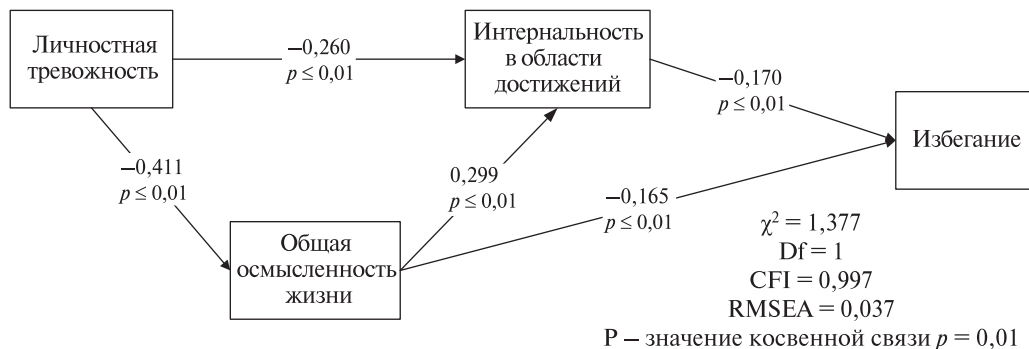

Рис. 2. Медиаторная модель детерминации выбора стратегии «избегание» личностной тревожностью (вариант 2).

или проблемно-конфликтной ситуации в форме полного ухода).

Первая модель (рис. 1) иллюстрирует то обстоятельство, что выбор стратегии «избегание» значимо косвенно детерминирован личностной тревожностью и общей интернальностью через общую осмысленность жизни, и личностная тревожность значимо отрицательно связана с общей интернальностью. Чем более тревожным и менее самостоятельным и ответственным за себя и свои поступки является человек, тем менее осмысленной он ощущает свою жизнь, что приводит к повышению частоты использования стратегии «избегание».

Вторая модель (рис. 2) указывает на то, что выбор стратегии «избегание» значимо косвенно детерминирован личностной тревожностью через общую осмысленность жизни и интернальность в области достижений. Чем более тревожным становится человек, тем менее осмысленной он ощущает свою жизнь, что может привести к снижению чувства ответственности и причастности к собственным успехам и достижениям. Это ведет к росту вероятности «избегания», полного ухода и отказа от разрешения сложных, критических или проблемно-конфликтных ситуаций.

Описанные модели могут рассматриваться как дополняющие и верифицирующие друг друга. Они позволяют говорить о том, что личностная тревож-

ность как предиктор в сочетании с другими личностными характеристиками, а именно, общей осмысленностью жизни, общей интернальностью и, в частности, интернальностью в области достижений, определяет выбор стратегии «избегание». Другими словами, представленные модели дают основания предположить, что склонность к «избеганию», или отказу и уходу от разрешения проблем, может быть свойственна тревожным людям потому, что у них снижен уровень осмысленности жизни. Этот тип тревожных людей также будет отличаться несамостоятельностью, отсутствием готовности к принятию ответственности за события своей жизни и особенно за свои возможные успехи и достижения. Наоборот, низкая частота использования стратегии совладания «избегание» или пассивного ухода от решения проблем будет наблюдаться у людей с низким уровнем тревожности. Они живут осмысленной жизнью, самостоятельны, ответственны и уверены в своих поступках и достижениях, готовы к встрече лицом к лицу с трудностями, возникающими на их пути.

Однако в сочетании с другими личностными характеристиками личностная тревожность может определять выбор и активных стратегий совладания. В частности, на рис. 3 изображена структурная модель, в которой представлена модель детерминации выбора стратегии «плано-

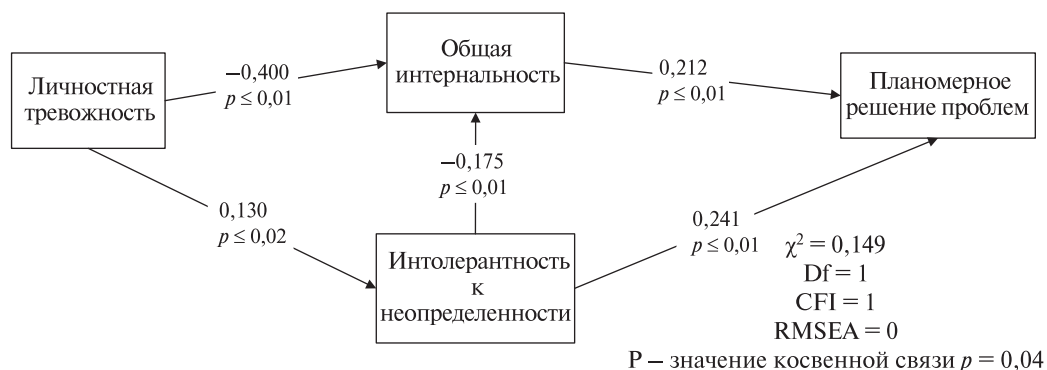

Рис. 3. Медиаторная модель детерминации стратегии «Планомерное решение проблем» личностной тревожностью.

мерное решение проблем» (спланированный, последовательный процесс решения проблем).

Данная модель показывает, что выбор стратегии «планомерное решение проблем» значимо косвенно детерминирован личностной тревожностью через интолерантность к неопределенности и общую интернальность, которые являются медиаторами. Как видно из рис. 3, чем более тревожным является человек, тем менее ответственным, самостоятельным и терпимым к неопределенности, новым и незнакомым обстоятельствам он становится. Однако влияние интолерантности на выбор активной стратегии амбивалентно. С одной стороны, человек испытывающий дискомфорт от неопределенности, стремится эту неопределенность снизить конструктивным способом — планомерно решая проблему (мы видим на рис. 3 стрелку, обозначающую положительную связь). Однако одновременно с этим повышенная интолерантность приводит к снижению уровня самостоятельности и ответственности за свои поступки и события собственной жизни, что приводит к уменьшению использования конструктивной стратегии «планомерное решение проблем». Таким образом, если человеку, обладающему высоким уровнем тревожности, нетерпимому ко всему новому и незнакомому, удастся преодолеть свою

несамостоятельность и почувствовать ответственность за себя и свою жизнь, то форма его участия в разрешении сложных, проблемно-конфликтных ситуаций будет вполне конструктивной и активной. Если же ощущение несамостоятельности окажется доминирующим у интолерантного человека, то не следует ожидать от него активного и последовательного разрешения проблем.

Также была построена модель, в которой выбор стратегии совладания «настойчивое решение проблем» (стратегия, ориентированная на достижение результата любым путем) косвенно детерминирован личностной тревожностью через показатель «цели в жизни» (субшкала по тесту СЖО Д.А. Леонтьева) (рис. 4).

Представленная модель показывает, что с ростом уровня личностной тревожности целеустремленность человека снижается, он будет терять ощущение смысла своей будущей жизни, находить смысл жизни в настоящем или в прошлом; именно поэтому такой человек будет склонен к активному, настойчивому решению проблем в актуальный момент времени. Подобный портрет может вызвать определенные сомнения, однако выбор стратегии «настойчивое решение проблем» может быть связан с необходимостью восполнить дефицит целей. Целью становится решение проблемы (любой) любой ценой.

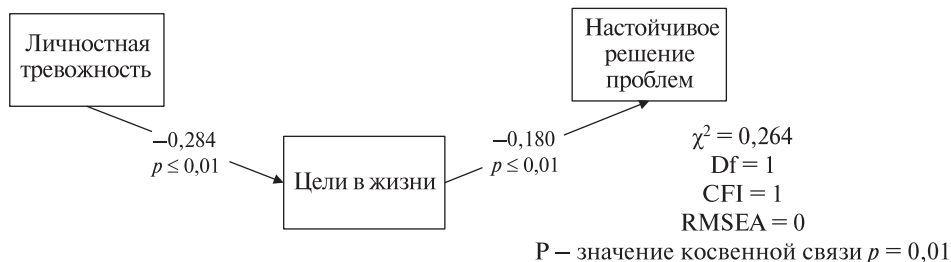

Рис. 4. Медиаторная модель детерминации стратегии «настойчивое решение проблем» личностной тревожностью.

Возможно, срабатывает компенсаторная модель — тревожный человек испытывает потребность делать что-то, часто не задумываясь о результатах действия. Наоборот, нетревожные целеустремленные люди, временная перспектива которых устремлена в будущее, не будут склонны к поспешным, импульсивным действиям в рамках «настойчивого решения проблем».

Тревожность как медиатор, опосредствующий выбор стратегии совладания.

Личностная тревожность, выступая в качестве медиатора, опосредствует выбор стратегий совладания «поиск социальной поддержки» и «избегание».

На рис. 5 приведена структурная модель, изображающая детерминацию выбора стратегии «поиск социальной поддержки». Традиционно данная стратегия

понимается как обращение за помощью или советом в разрешении сложных и проблемно-конфликтных ситуаций к третьим лицам.

Представленная модель иллюстрирует опосредствующую роль личностной тревожности в детерминации выбора стратегии совладания «поиск социальной поддержки». Общая интернальность положительно коррелирует с общей осмысленностью жизни. Оба качества снижают уровень личностной тревожности. Также согласно рис. 5 существует прямое влияние уровня общей осмысленности жизни на выбор «поиска социальной поддержки» и это влияние амбивалентно косвенному влиянию (через медиатор — личностную тревожность). С одной стороны, самостоятельный и ответственный человек с высоким уровнем осмысленности жизни, с

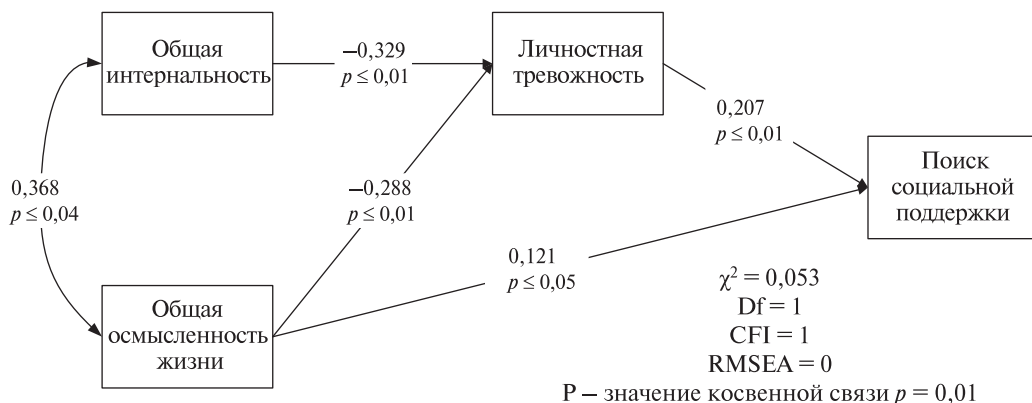

Рис. 5. Медиаторная модель детерминации стратегии «Поиск социальной поддержки» общей интернальностью и общей осмысленностью жизни

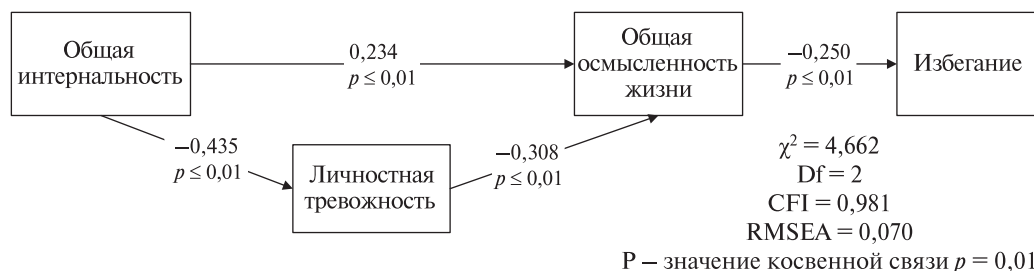

Рис. 6. Медиаторная модель детерминации стратегии «Избегание» общей интернальностью

низким уровнем тревожности будет редко обращаться за поддержкой к другим людям в силу уверенности в себе и своих силах. С другой стороны, чем выше осмысленность жизни, тем более, как правило, включен человек в социум, так как большей частью смыслы жизни человека формируются в социальном контексте. А потому растет возможность поиска помощи и поддержки со стороны других людей, расширяется, таким образом, взгляд на произошедшее и увеличивается арсенал средств для разрешения сложной ситуации (стрелка, обозначающая положительную связь).

Таким образом, обращение за помощью или советом к третьим лицам в ситуации необходимости совладания с трудной жизненной ситуацией выполняет две задачи: 1) расширение внешнего круга общения для осмысления решения задач, 2) ожидание помощи для снижения тревожности.

Личностная тревожность может значительно опосредствовать выбор стратегии совладания «избегание».

Согласно предположению, что общая интернальность является первичной в цепи детерминации и влияет на личностную тревожность и осмысленность жизни, актуальной оказывается модель, представленная на рис. 6. Эта модель иллюстрирует, что выбор стратегии «избегание» значительно отрицательно детерминирован общей интернальностью через личностную тревожность и общую осмысленность жизни. Данная модель означает, что с ростом

уровня субъективного контроля, ведущего к снижению уровня личностной тревожности и росту чувства осмысленности жизни, снижается частота полного ухода от решения трудных жизненных ситуаций. Другими словами, приведенная структурная модель позволяет предполагать, что склонностью к использованию стратегии совладания «избегание» будут обладать люди с низким уровнем субъективного контроля, и, как следствие, тревожные и ощущающие свою жизнь как бессмысленную, тогда как ощущение самостоятельности и ответственности за свои поступки и события своей жизни снижает тревожность, наделяет жизнь осмысленностью, способствует совершению активных и эффективных действий для преодоления и совладания с трудными и проблемно-конфликтными ситуациями.

Анализ полученных результатов дает нам основания предполагать, что личностная тревожность может выступать в роли как детерминирующей, так и опосредствующей личностной характеристики при выборе стратегий совладания. В связи с этим построенные нами структурные модели следует рассматривать в виде основания для формулировки новых, более частных по своему характеру гипотез и определения направлений последующих исследований. Это также связано с необходимостью учета того факта, что описанные выше структурные модели, несмотря на удовлетворительные показатели согласованности, описывают возможные, но пока

не установленные на уровне психологических закономерностей каузальные связи. Благодаря одновременному рассмотрению нескольких личностных характеристик была получена возможность более полного и подробного описания феноменологии, которая может стоять за выбором той или иной стратегии совладания, что открывает новые горизонты в исследовании совладающего поведения.

Вполне возможно, что выбор стратегии совладания может осуществляться с использованием не одной, а нескольких предложенных моделей; условия же «запуска» той или иной схемы зависят от многих неучтенных в данном исследовании личностных и социальных факторов. Именно поэтому феноменология достаточно сложна, не поддается однозначному описанию и может стать предметом будущих исследований.

ВЫВОДЫ

1. Личностная тревожность принимает активное участие в процессе выбора и частоты использования стратегий совладания и может определять этот выбор как предиктор.

2. Личностная тревожность также может опосредствовать выбор и частоту использования стратегий совладания в качестве медиатора.

3. Личностная тревожность в зависимости от значений других личностных характеристик (общей интернальности и общей осмысленности жизни) может приводить к выбору различных по своему характеру и смысловому содержанию стратегий совладания. Построенные модели (например, рис. 1, 5, 6), в которых задействованы одни и те же личностные характеристики (личностная тревожность, общая интернальность, общая осмысленность жизни), но занимающие разные места в цепи детерминации, описывают выбор различных стратегий совладания (избегание, поиск социальной поддержки).

4. Следует отметить возможное амбивалентное влияние личностной тревожности на выбор стратегий совладания, которое наблюдается в ситуации несовпадения прямой и косвенной (опосредствующей) детерминаций, присутствующих одновременно.

5. Полученные структурные модели были построены в соответствии с имеющимися в нашем распоряжении теоретическими предположениями и эмпирическими данными. Представленные в моделях значимые детерминационные связи между измеренными личностными характеристиками и выбираемыми стратегиями совладания следует рассматривать и воспринимать как концептуальные иллюстрации возможных каузальных связей.

6. Реализация представленного нами подхода применительно к дифференциально-психологической диагностике особенностей совладающего поведения существенно расширяет арсенал возможностей исследователя на этапах анализа эмпирических данных и интерпретации полученных результатов. Обращение к методологии медиаторного анализа в контексте исследования связей между личностными характеристиками и выбираемыми стратегиями совладания позволяет более детально рассмотреть механизмы изучаемых связей, выделить переменные, которые опосредствуют выбор конкретных стратегий совладания. Обращает на себя внимание необходимость критического отношения к получаемым статистическим показателям и их согласованности с теоретическими предположениями и здравым смыслом.

1. Антоновский А.В., Ленков С.Л., Зинковский А.К. Защитно-совладающее поведение как фактор профессионального здоровья и эффективности работы учителя // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 20. Педагогическое образование. 2011. №1. С. 23–36.
2. Астапов В.М. Функциональный подход при изучении состояния тревоги в напряженных

- условиях деятельности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1986.
3. *Бажин Е.Ф., Голынкина Е.А., Эткинд А.М.* Опросник уровня субъективного контроля (УСК). М.: Смысл, 1993.
 4. *Белинская Е.П.* Совладание как социально-психологическая проблема // Психологические исследования (электронный журнал). 2009. Т.1, №3. URL: <http://psystudy.ru>
 5. *Березин Ф.Б.* Психическая и психофизиологическая адаптация человека. Л.: Медицина, 1988.
 6. *Гульчевская Н.Е.* Особенности профессиональной тревожности учителя в условиях образовательных инноваций: Автореф. дис. ... канд. психол. наук: Ростов/н/Дону, 2004.
 7. *Корытова Г.С.* Защитно-совладающее поведение субъекта в профессиональной педагогической деятельности: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. Иркутск, 2007.
 8. *Костина Л.М.* Методы диагностики тревожности. СПб.: Речь, 2002. С. 48–49.
 9. *Крюкова Т.Л.* Психология совладающего поведения: Монография. Кострома: Авантитул, 2004.
 10. *Леонтьев Д.А.* Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). М.: Смысл, 2006.
 11. *Митина О.В.* Задачи и методы структурного моделирования как средства приращения нового знания // Моделирование и анализ данных: Труды фак-та информ. технологий МГППУ. Вып. 3 / Под ред. Л.С. Куравского, А.Д. Яшина, С. Н. Баранова. М.: РУСАВИА, 2007.
 12. *Митина О.В.* Методы исследования каузальных связей. // экспериментальная психология в России д ред. В.А.Барабанщикова. М.: ИП РАН, 2010. С. 139–143.
 13. *Митина О.В.* Основные идеи и принципы структурного моделирования // Уч. Зап. Каф. общей психологии МГУ. Вып. 2 / Под ред. Б.С. Братуся, Е.Е. Соколовой. М.: Смысл, 2006. С. 273–295.
 14. *Петрова Е.А., Хазова С.А.* Основные проблемы в исследовании ресурсов совладающего поведения // Актуальные проблемы психологии личности: сб. науч. ст. В 2 ч. / Под ред. К.В. Карпинского. Гродно: ГрГУ, 2012. Ч. 1. С. 102–119.
 15. *Постылякова Ю.В.* Психологическая оценка ресурсов совладания со стрессом в профессиональных группах: Автореф. дисс... канд. психол. наук. М., 2004.
 16. Практикум по психодиагностике и исследованию толерантности личности / Под ред. Г.У. Солдатовой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003.
 17. *Прихожан А.М., Толстых Н.Н.* Психология сиротства. СПб.: Питер, 2005.
 18. Психология совладающего поведения / Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. Кострома, 18–23 сент. 2007 г. Кострома, 2007.
 19. Психология стресса и совладающего поведения в современном российском обществе / Мат-лы II Междунар. науч.-практ. конф., Кострома, 23–25 сент. 2010 г. В 2 т. Кострома, 2010.
 20. Психология стресса и совладающего поведения / Мат-лы III Междунар. Науч.-практ. конф. Кострома, 26–28 сент. 2013 г. В 2 т. Кострома, 2013.
 21. *Русина Н.А.* Копинг-ресурсы личности как основа ее здоровья // Совладающее поведение: современное состояние и перспективы / Под ред. А.Л. Журавлева, Т.Л. Крюковой, Е.А. Сергиенко. М.: ИП РАН, 2008. С. 85–96.
 22. Стресс, выгорание, совладание в современном контексте / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. М.: ИП РАН, 2011.
 23. Тест описания поведения К. Томаса (адаптация Н.В. Гришиной) // Психологические тесты / Под ред. А.А. Карелина: В 2 т. М., 2001. Т. 2. С. 69–77.
 24. *Baron R.M., Kenny D.A.* The moderator-mediator variable distinction in social psychological research: Conceptual, strategic, and statistical considerations // J. of Pers. and Soc. Psychol. 1986. V. 51. N. 6. P. 1173–1182.
 25. *Gonzalez L.P., Castillo M.D.* Coping with stress and its relationship with personality dimensions, anxiety, and depression // Procedia Soc. and Behav. Sci. 2010. N. 5. P. 1562–1573.
 26. *Krohne H.W., Hock M.* Anxiety, coping strategies, and the processing of threatening information: Investigations with cognitive-experimental paradigms // Pers. and Individ. Diff. 2011. N 50. P. 916–925.
 27. *Lee-Bagley D., Preece M., DeLongis A.* Coping with Interpersonal stress: Role of Big Five Traits // J. of Pers. 2005. V. 73. N 5. P. 1141–1180.
 28. *Watson D., Hubbard B.* Adaptational style and dispositional structure: Coping in the context of the Five-Factor Model // J. of Pers. 1996. V. 64. N 4. P. 737–774.

Поступила в редакцию 18. V 2014 г.